

Мих. Матусовский

Когда

ШУМИТ

ИЛЬМЕНЬ-

озеро

М34.
Р33204.

стихи

советский

ПИСАТЕЛЬ 1944

МИХ. МАТУСОВСКИЙ

КОГДА ШУМИТ
ИЛЬМЕНЬ-ОЗЕРО

СТИХИ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Москва 1944

Редактор *С. Обрадович*

A7923. Подписана к печати 15/IX 1944 г. Печ. л. 2 $\frac{1}{4}$. Авт. л. 3,15
Уч.-изд. л. 3,30. Тираж 10.000. Заказ 1156.

Цена 3 руб. 25 коп.

Тип. „Красный печатник“, Москва, ул. 25 Октября, 5.

ИЛЬМЕНЬСКИЕ ДНЕВНИКИ

ДОЛГИЕ БОРОДЫ

Вдалеке от большого города,
В стороне от больших дорог
Жили-были на свете Бороды —
Шесть избушек, одетых в мох.

Добрым людям и дальним странникам
Здесь найдется всегда приют.
Кровля крыта печатным пряником,
На окошках щеглы поют.

Здесь загадки могли загадывать, —
Хитроумнее не найти.
Здесь умели былицы складывать,
Словно невод речной плести.

Нынче в доме потемки смутные.
И глядят на меня темны,
Позабытые, пятиминутные
Фотографии со стены.

Мы стоим пред чужими бедами,
Мы склоняемся в забыты

Перед повестью, нам неведомой,
Жившей некогда здесь семьи.

На портретах стрелки и конники,
Лесорубы и рыбаки,
Новобрачные и покойники,
Молодые и старики.

Здесь они свое дѣтство начали,
Люди паруса и весла,
И рыбачили, и батрачили,
И ходили на промысла.

В трудной битве за дело кровное,
Под ударами всех невзгод
Не иссякла их родословная
И не кончился славный род,

Как в июньской степи в предгрозию
Бесконечные облака,
Как бегущая к Ильмень-озеру
Голубая Шелонь-река.

МСТА

Безлюдна и пуста,
Темна и глубока,
Бежит по камням Мста —
Военная река.

На скошенных столбах
Повисли провода.
Стоит в окопных рвах
Зеленая вода.

Обрывы, а левей,
Как лес у входа в ад,
Деревья без ветвей
Из-под земли торчат.

И берег, сам не свой,
От приступов тоски
Занес над головой
Сухие костяки...

Сожженного куста
Нельзя врагу простить.
Название речки Мста
Идет от слова: мстить.

ЗАЛЕСЬЕ

Разыгралась непогода, недалеко привал.
После долгого похода полк заночевал.
Спит село прифронтное в ильменских снегах.
Патронташ — под голову, карабин — в ногах.
Вдруг, испуганный спросонок странной тишиной,
Вскрикнул маленький ребенок рядом, за стеной.
И тогда с постели встала, силясь не дремать,
И, над ним оклонясь устало, вдруг зашела мать.
Скрип крестьянской колыбели слышен за стеной.
Может, так когда-то пели в детстве надо мной.
И светилось надо мною тускло и темно
Застекленное слюдою зимнее окно.
И не так ли; полный дремы, усыплял меня
Запах высушенной соломы, слабый треск огня.

Значит, стоит жить на свете, воевать с бедой,
Подниматься на рассвете с первою звездой,
Проходить в огне и громе, по ночам не спать,
Чтобы в этом мирном доме тихо пела мать.

МОКРЫЙ ОСТРОВ

Что за пропасть, в самом деле,
Неуемный, проливной,
Вот уж скоро две недели
Дождь бормочет за стеной!

Знать, уж так самой судьбою
Суждено мне с давних пор
Слышать вечно над собою
Черных сосен разговор.

Видно, мне еще немало
Суждено встречать людей
От привала до привала,
От дождей и до дождей,

Помнить дружеские тайны,
Лица, званья, имена
Всех попутчиков случайных,
С кем свела меня война,

С кем прощался на рассвете,
С кем в пути совет держал,

С кем в походном лазарете
В общей комнате лежал.

За окошком — ночь сплошная.
Кажется, что часть села,
Как флотилия речная,
Поднялась и поплыла.

Церковь маковкою юстрой
Тускло светится во мгле...
Мокрый Остров, Мокрый Остров, —
Самый мокрый на земле.

ТРИ РЕКИ

Переменчивы и быстры,
Как поласковой их назвать?
Есть у Ильменя три сестры:
По́ла, По́лометь и Лова́ть.

Кто проехал у этих рек,
В ясной памяти уберег
Избы, срубленные навек,
И часовенки у дорог.

Каждый берег, любой затон
Обещает большой улов.
И над реками слышен звон
Новгородских колоколов.

Если станешь на их мостах —
Ветер с Ильменя, благодать,
Правый берег лежит в цветах,
Лева-берега не видать.

Мимо этой большой земли,
Мимо наших забот и встреч

Так годами они текли
И столетьями будут течь...

Танки движутся в тишине,
И от Яжелбиц до Крестцов
Дождь стучится по их броне,
По зеленым плащам бойцов.

Дни победы твоей близки,
Немцу смерти не миновать.
В том порукою три реки:
Пóла, Пóломель и Ловáть.

ГОРОД Н.

Выжженный смерчем прямой наводки,
Опустошенный от труб до стен,
Он не внесён ни в какие сводки,
Он называется — город Н.

Он ожидает минуты мести,
Вдруг загораясь со всех сторон,
Сразу от центра и до предместий
Белою молнией озарён.

Он полыхает на косогоре,
То замирая, то грохоча,
Будто он выстроен весь из горя,
А не из камня и кирпича.

Он поднимается предо мною,
Грозный и стынущий на ветру,
Город, который любой ценою
Наша пехота возьмет к утру.

ДОМ

Сожжены дома и клетки.
На деревню — две сохи.
Здесь весною на рассвете
Не кричали петухи.
В поле — холодно и сыро,
Только где-то у реки
Строят хату целым миром
Погорельцы-старики.
Без расчета и пригонки
Клали плотники венец...
И стоял от них в сторонке,
И глядел на них боец.
Обошел он штуку эту
С правой, с левой стороны.
Скажем прямо, по секрету,
Был он плотник до войны.
И с особенным волненьем,
Поглядев на них в упор,
Попросил он с извиненьем
На минуточку топор.
И сказал он поговорку,
Что, мол, будет дом хорош.
Молча сбросил гимнастерку,
Стал на плотника похож.

Отложил табак и спички,
Два бревна облюбовал
И, как мастер, по привычке
На ладошки поплевал.
Вся деревня' Козьи Броды
На него глядит с бугра.
Видно, парень в эти годы
Тосковал без топора.
И пошел тогда приятель
Класть обаполы ребром,
Песни петь, стучать, как дятел,
И работать топором.
Он стоял, 'лихой и бойкий,
Над высокою стеной,
И на месте новой стройки
Пахло свежестыю лесной...
За селом слышны раскаты,
День и ночь гремит война.
Вдоль села идут солдаты
От рассвета до темна.
Дом стоит большой и новый
На весеннем сквозняке,
Пятистенный и сосновый,
С петухами на коньке.
Дом веселый, словно песня,
Виден всем еще вдали.
Он стоит, как первый вестник
Возрождения земли.

ФЛАГ

Гвардеец, поднимавший над Ростовом
Советский флаг на струганом древке,
Увидел город в сумраке багровом
И беглые зарницы вдалеке.

Был снежный Дон задумчив и печален.
Еще снаряды ухали во мгле,
Еще дымком тянуло от развалин
И тех, кто мертв, не предали земле.

Полки входили в боевом порядке.
Гвардеец видел завтрашний рассвет
В разрывах туч, в зеленой лихорадке
Прожекторов и световых ракет.

Шла армия, и ей вослед другая.
Дыханье перехватывал мороз.
А он глядел сквозь вечность, не моргая,
Не вытирая замерзавших слез.

ТИШИНА

Навевает скуку и дремоту
Над передним краем тишина,
Зябкий дождик ходит по болоту,
Будто впрямь окончилась война.
Лес недвижим, и недвижны люди.
Тихо так, что слышно иногда,
Как с брезентовых чехлов орудий
Капает осенняя вода.
Пахнет мокрым лесом и покоем.
Но в каких-нибудь трехстах шагах,
За холмами, вспаханными боем,
Ходит враг. Мы помним о врагах.
Непроглядна ночка фронтовая.
Редко-редко мерцает свет,
Блиндажи и небо покрывая
Обморочной белизной ракет..
Мы в такую ночку забываем
О тепле, об отдыхе и сне.
Если тихо над передним краем —
Никогда не верьте тишине.

АПРЕЛЬ

Начиналось с того, что воронки
Поросли прошлогодней травой.
Начиналось с того, что в сторонке
Подбоченился тополь кривой.

Начиналось с ночного озноба,
С отсыревших углов в блиндажах,
Начиналось с апрельских сутробов,
Ноздреватых, как хлеб на дрожжах.

А кончалось привычно, как дома,
Сладким клеем на тонкой коре,
Перепалкой весеннего грома,
Перекличкой скворцов на заре.

Между соснами омут сверкает,
Озаренный сияньем до дна.
«Кто идет?» — часовой окликает.
И ему отвечают: «Весна!»

РАССКАЗЫ В СТИХАХ

ВОЛОДЬКА

Юному герою Отечественной войны Владимиру Попову, награжденному за доблесть и мужество орденом Красной Звезды.

Ни куста в саду сожженном, ни вершка живой земли.

Как чума, в пустой поселок немцы в Юрьево вошли.
Словно в судный день на небе — три горящие столпа.
На двурогих плоских шлемах скалят зубы черепа.
Одинаково бездушно и бессмысленно глядят
Учерепа на плоских шлемах, лица плоские солдат.
И земля родная стонет под пятой чужих полков,
Под шагами деревянных и железных башмаков.
Вот во двор машины входят, вот сбавляют танки ход.
Плачут женщины и дети. Воют псы из-под ворот.
Пахнет кровью и навозом, по селу летает гарь.
И качается от ветра, словно висельник, фонарь...

В том селе в церковных служках доживал свой
черный век

Гражданин Иван. Березин — непонятный человек:
Где-то в городе Славянске сбыл награбленный товар,

Где-то в городе Бердянске он имел веселый бар,
Где-то в городе Ростове — пассажирский пароход,
Где-то в городе Тамбове — мыловаренный завод.
Он прослыл специалистом крупных «мок-
рых» дел.
Восемь раз в Сибирь ссылался, десять лет в тюрь-
ме сидел...
Он снимает низко шляпу, он кладет поклон земной,
И Березина Ивана назначают старшиной.

У колхозника Попова поселилась солдатня,
Ищут вредных насекомых и колдуют у огня,
Варят старую конину в прокопченном котелке
И по-своему лопочут на немецком языке.
Выпивает вместе с ними, словно немец, старшина:
«Эй, Попов, садись со мною, выпей хлебного вина!»
Не сказал Попов ни слова, отошел Попов к окну,
Поглядел Попов на немцев, на гадюку-старшину,
На загаженную хату, на очаг, на образа,
Подошел к нему и плюнул в вороватые глаза...
Старшина Иван Березин тихо встал из-за стола.
Офицер сказал солдатам: «Приготовить шампола».
Взяли за руки Попова, увели на край села.
Где лежит он,—мы не знаем: вьюга пропки замела.

Квартиранты спят влобалку. Мать тоскует на печи.
И друг дружку окликают караульные в ночи.
Спят сугробы, как медведи, спят знакомые края.
Поднимается Володька: «Тише, мамка. Это я.

Мне ребята рассказали: немцы батьку... напоявал...
Дай мне, мама, ту папаху, что папаня надевал». —
«Что ты, милый? Немцы всюду. Ночь вокруг темным-
темна...» —

«Дай мне, мама, гимнастерку из военного сукна:
Я не маленький, не бойся. Трудно будет — хватит сил.
Дай мне черную кожанку, что папаня не сносил».
Мать сквозь слезы посмотрела на меньшого сор-
ванца:

Зубы стиснуты до боли, руки сжаты — весь в отца.
В теплый лоб поцеловала, шапку подала. Потом
В долгий путь перекрестила по обычаю крестом.

Штаб полковника Миссана в эти дни стоял в лесу.
Часовой ходил по тропке с автоматом на весу.
Под ветвями пробивалась фронтовая колея,
И над лесом тихо плывал дым походного жилья.
Запах сена и бензина, смех людской и звон пилы.
Вкривь и вкось светило солнце сквозь сосновые
стволы.

Бесконечный скрип обозов, приглушенный стук подков
Возле ящиков зарядных и штабных броневинов.
Новгородские просторы, ветер ильменьской земли...

В штаб полковника Миссана мальчугана привели.
Телефон висит на стенке, на печурке котелок.
Знаменитая землянка — в три наката потолок.
Командир сидит за картой. На столе остывший чай.
«Ты куда спешишь, приятель? Ты откуда? Отвечай». —

«Я из Юрьева лесами шел до вас четыре дня...
Сын колхозника Попова, звать Володькою меня».
Поглядел на командира, и, не пряча грустных глаз,
За четыре дня скитаний он заплакал в первый раз.
Так Володька был назначен в истребительный отряд.

Я люблю друзей в дороге и армейский самосад,
Задушевную беседу, запах леса молодой,
Трехлинейную винтовку и ушанку со звездой,
У натопленной времянки примоститься в уголок,
Знаменитую землянку — в три наката потолок,
Ключевой водой и снегом умыться поутру
И прикуривать с друзьями на отчаянном ветру...

Он кусты перебегает — не заметишь на бегу,
Он в сугробы залегает — не увидишь на снегу.
Если смерть увидит рядом, — даже глазом не
сморгнет,
Если лес пройдет с отрядом, — снега с веток не
стряхнет.

И немало продырявил туполобых черепов
Грозный мститель, русский школьник по фамилии
Попов...

Нынче рано зорька встала, рано в поле рассвело.
Часть полковника Миссана входит в Юрьево-село.
Проезжают батареи, пляшут кони, и летит
Синий пламень от моторов, снежный прах из-под
копыт.

Люди щурятся от счастья, люди смотрят им во
след,

Словно вышли из подвалов поглядеть на божий свет.

Мать выходит на крылечко, от волнения чуть жива,

Видит русские шинели, слышит русские слова.

Погромыхивают танки, словно близится гроза.

Больше мать не разглядела — слезы залили глаза.

Только кто там лихо скачет с автоматом на ремне,

Рядом с главным командиром на трофейном скакуне,

Шапку вежливо снимает, машет весело рукой,

И такой родной до боли, и молоденький такой?

У него звезда на шапке, на боку — стальной клинок.

Он — родимый, он — желанный, он — Володька, он —

сыннок.

Подъезжает он к воротам, ладно прыгнул у крыльца,

Хорошо глаза смеются, волос вьется — весь в отца...

Пропремели батареи. Кавалерия прошла.

Сам не свой, мальчонка ходит по окраинам села.

Он ступает через бревна, где струится горький чад,

Где, как плиты гробовые, печи мертвые торчат;

От двора к двору проходит, от окна идет к окну; —

Пионер Попов Владимир всюду ищет старшину.

Он нашел его в сарае у замерзшего пруда.

Не сбежал Иван Березин от последнего суда.

«Я повсюду шел за вами, вдоль сожженных вами

сел.

Если б вы ушли под землю — под землей бы вас

нашел».

Подает Попов команду, и ведет Попов врага —
Три шага итти до штаба, и до смерти три шага...

Это было в наше время, в незабвенном январе.
На дворе плясали кони, трубы пели на заре.
Наши части шли на запад из родимого села...
Мать ни слова не сказала, поднялась из-за стола,
В теплый лоб поцеловала, шапку подала, потом
В долгий путь перекрестила по обычаю крестом...

Далеко идут дороги жизни, славы и войны.
Не видны уже ушанки и подковы не слышны.
Снег валится, оседая на дороге фронтовой,
И стоит она, седая, с непокрытой головой.

Март 1942 года

ДЕД

Колхознику Ивану Васильевичу Липатову

Лес порублен. Дом в разоре.
Площадь сельская пуста.
Добрались война и горе
До деревни Маята.

Лодки сохнут кверху днищем,
Пахнет горькою золой,
Над покинутым жилищем
Ходит ветер нежилой.

Белым хлопьям нет предела.
Дуют в трубы холода.
Словно с горя поседела
В Ильмень-озере вода...

...В крайнем доме на соломе
Двадцать-тридцать лет подряд
Жили-были дед да баба
Так, как в сказке говорят.

Дед бродил по этим плесам,
С каждой заводью знаком,
С плоскодонным, остроносым,
Быстроходным челноком.

Сколько сердце тосковало
В этих топях и лесах,
Сколько ветров побывало
В этих старых парусах...

Дед походит по соседям,
Всюду — сборы, суета.
Говорит ей: «Бабка, едем,
Опустела Маяга».

Отвечает бабка деду:
«Жили здесь отец и мать.
Никуда я не поеду,
Будем дома помирать».

Над родною стороною
Не смолкает стон телег.
До рассвета за стеною
Не скрипит, а плачет снег.

Только в домишке последнем
В узких щелях виден свет,
Над худым рыбацким бреднем
До рассвета дремлет дед.

Фитилек мерцает слабо
В хате темной и пустой.
Все, как в сказке: дед да баба,
Нет лишь рыбки золотой.

Дремлют ильменьские зори.
Спят родимые места.
Спит моя любовь и горе
Спит деревня Маята...

Сосны в снег роняют иглы,
На плечах, на шапках снег.
Ночь в пути бойцов настигла,
Нужно людям на ночлег.

Видят хлопцы: свет в окошках,
Славно курится труба,
И стоит на курьих ножках
Деревянная изба.

Расстегнули хлопцы каски,
Сняли шапки со звездой,
Перед ними, словно в сказке,
На пороге — дед седой.

«Ваше дело фронтовое,
И опять же зимний путь...
Нас в избе с хозяйкой двое,
Потеснимся как-нибудь.

Сорок лет с проклятой бабой
Никакого сладу нет.
Это — мой начальник штаба! —
Представляет бабу дед.

Между тем бойцы с дороги
Дорвались до табака,
Преют руки, сушат ноги.
Угощают рыбака.

Крепкий чай идет кругами,
Закипая на огне,
Видят хлопцы: под богами
Два портрета на стене.

За столом идет беседа,
Будто здесь одна семья.
Командир спросил у деда:
«Это, значит, сыновья?»

Видно, где-то на рассвете
Перед боем сняли их.
Трудно выбрать на портрете,
Кто красивей из двоих.

Сын стоит, усмешку спрятав,
В форму летчика одет,
Ну, совсем, как дед Липатов.
Если сбросить сорок лет.

На морской фуражке брата
Лента с надписью «Гроза».
Тот же самый дед Липатов,
Те же самые глаза.

Испытали смерть и войны,
Трубы медные прошли,
И глядят они достойно,
Как хозяйева земли.

Пусть ворвутся немцы в хату,
Деду муки не страшны,
Не сорвет Иван Липатов
Двух портретов со стены.

И сказал боец, согретый
Теплым воздухом жилья:
«Интересные портреты...
Стоящие сыновья!»

В сумке — хлеб, подмышкой — лыжи,
Все прилажено к пути.
«Как бы нам быстрее и ближе
Через озеро пройти?»

Где в лесу отыщешь метку, —
Нет ни тропки, ни межи».
Командир достал планшетку:
«На вот карту, покажи!» —

«Что касается масштаба.
Я по картам не мастак.
Пусть меня отпустит баба,
Доведу вас просто так».

Возражает баба мужу:
«Долог путь через Ловать.
Разве можно в эту стужу
Добрым людям воевать?»

Дед косится виновато:
«Ладно, баба, помолчи.
Не сидеть же мне, солдату,
В теплой хате на печи!..»

И тогда жена несмело
Поднялась из-за стола,
И ругать его хотела,
И заплакать не могла.

И сказала за порогом:
«На дворе лихие дни...
Отправляйся, старый, с богом.
Только ворот застегни...»

Справа — бор, левой — лощина,
Посередке — цепь болот.
Это место — «Чертовщина»
С древних лет назвал народ.

Сильный ветер гонит вшаей,
Выбивается из сил.
Снег такой, как будто кашу
Кто-то круто заварил.*

Сосны валит беспричинно,
Перехватывает дух.
И такая чертовщина
Поднимается вокруг...

Скоро сказка говорится,
Дело медленней идет,
Если вспомнить — верст на тридцать
Растянулся край болот.

Отдыхая очень редко,
Сквозь кустарник и снега
Наша славная разведка
Пробиралась в тыл врага.

И, подняв валежник палый,
Молча примечает дед
На снегу четырехпалый
Осторожный лисий след.

От железного мороза
Сердце сжато, как в горсти.
На щеках замерзли слезы —
Трудно старому брести.

Что за прок от полушубка:
На подкладке — рыбий мех.
Стынут руки, гаснет трубка,
Зябнет нос — и смех, и грех.

Перед самой «Чертовщиной»,
Несмотря на лютый день,
Снял боец тулуп овчинный:
«На-ка, дедушка, надень!

Скоро город. Мы на месте.
Дай с тобой проститься, дед.
Передай своей невесте
От начальника привет».

Лес звенит. Мороз колючий.
Слезы горькие во рту.
«Если будет, хлопцы, случай,
Заезжайте в Маяту».

Кто, каким хорошим словом
Или краской передаст
Тот свинцовый, тот лиловый,
Тот багровый снежный наст.

На снегу и в небе звезды.
Трудно было разобрать,
Где кончался зимний воздух,
Где земля была опять.

И стоял, как под навесом,
Нос упрятав в воротник,
По сравнению с этим лесом
Очень маленький старик...

Шли бойцы под гул раскатов,
И казалось им всерьез:
Их провел не дед Липатов,
А крещенский дед-Мороз...

...Каждой веткой с ветром споря,
Каждой травкой шевеля,
Вперекор войне и горю
Обновляется земля.

Словно кто-то в небе вешнем
Рассыпает бубенцы,
В уцелевшие скворешни
Возвращаются скворцы.

И верхушкой задевая
Освеженный небосвод,
Там, где капля дождевая,
Там и радуга встает.

Зацвела верба у хаты,
Ель оттаяла на треть.
Вышел как-то сам Липатов
Кости старые погреть.

Солнце клонится к обеду.
Поднимая дыбом пыль,
Подъезжает прямо к деду
Легковой автомобиль.

И при всем честном народе, —
Дед сперва не разобрал, —
Кто б, вы думали, выходит?
Самый главный генерал.

Баба смотрит. День воскресный,
Церковь золотом горит.
Бабе тоже интересно,
С кем хозяин говорит.

«Сорок лет с проклятой бабой
Никакого сладу нет.
Это — мой начальник штаба!» —
Представляет бабу дед.

Генерал не очень молод,
Сам волнуется слегка
И солдатскою медалью
Награждает старика.

То ль ее натерли мелом,
То ль еще каким добром,
Но она сияет белым,
Чистосортным серебром.

Тут не трудно растеряться
И ответить невпопад.
Дед чеканит: «Рад стараться!» —
Как солдаты говорят.

А потом добавил глухо,
Чтоб слышать только ей:
«Это нам с тобой, старуха,
За хороших сыновей...»

Сосны взмокли, а над ними
Мир, как озеро, широк.
На четверке с пристяжными
Прокатил Илья-пророк.

Одному Ивану ведом,
Страшным гневом обуян,
Ходит Ильмень перед дедом,
Словно море-океан.

В каждом ильменском затоне
Бел песок, вода бела.
Волны бьются, словно кони —
В белой пене удила.

И сквозь этот гнев и ярость,
Накренившийся слегка,
Виден деду белый парус,
Легкий парус рыбака.

1942 г.

ДРУЗЬЯ

*Снайперам Северо-Западного фронта Семену Номоконову и
Тогону Санжееву*

По рекам льдины проплывали, стояли мартовские дни,
Не знаю, на каком привале случайно встретились
они.

«Как звать тебя? Откуда родом?» — спросил Сан-
жеева Семен.

«Наш род охотничий, старинный! С далеких славит-
ся времен.

Мой прадед бил не раз медведя, мой дед хо-
дил на промысла.

Тайга Санжеевых взрастила, и нет Санжеевым числа.
Я всюду находил удачу и даром не спущу курка.

И если я патрон истрачу, то уж всегда наверняка».—

«Добро! — сказал с улыбкой снайпер. — Слова без
дел всегда пусты.

Ты рассуждаешь, как охотник. Посмотрим, как стре-
ляешь ты».

Старинный спор стрелков искусных — охотников та-
ежных страсть:

С трехсот шагов в коробку спичек Санжеев должен
был попасть.

Тогон склонился у приклада, три раза выстрелил
подряд.

И пуля в пулю — три заряда всадил без промаха
бурят.

«Отныне ты мне будешь другом... Мой патронташ к
твоим услугам,

Моя еда — твоя еда. Твоя беда — моя беда.

Я покажу свои законы, свои охотничьи места...» —

Сказал с улыбкой Номоконов, не вынув трубки изо
рта.

Тунгус-охотник был спокоен, как повидавший виды
воин.

Он за четыреста шагов, как ястреб, чувствовал вра-
гов.

Войдет в блиндаж, устав с дороги, накрошит в труб-
ку табачок,

Шинель подстелет, скрестит ноги, глаза закроет и —
молчок.

Он курит трубку из березы, и дым свивается в
кольцо.

Как будто выбито из бронзы его спокойное лицо.

Он был хитер и осторожен. Зато горячим был бурят:
Как ножик, вынутый из ножен, глаза веселые горят.

Он шел по тройкам шагом скорым, он спал, не за-
крывая век.

О нем тунгус сказал с укором: «Весьма бедовый
человек».

Он клятве был до смерти верен, среди людей бес-
страшных рос,
От частых встреч с таежным зверем он стал, как
рысь, слегка раскос.
Всегда готов любой ценою помочь товарищу в беде...
Они сдружились на охоте в орлином снайперском
гнезде.
В дождливом месяце апреле, когда прохладен был
привал,
Полою собственной шинели тунгус бурята укрывал.
И даже в трудную минуту — закон тайги друзьям
знаком —
Они бы жизнью поделились — так, как делились та-
баком.

Охотник — за передним краем. Где он проходит, мы
не знаем.
Среди пристрелянных высот советский снайпер гнез-
да вьет.
Огонь гуляет перекрестный, и смерть глядит со всех
сторон.
Его походку знают сосны, щеглам подсвистывает он.
Искусство снайперского дела заключено в умение
ждать
И нестигаемую волей чужую волю побеждать.
Он ночью вышел на охоту и ждет в окопе до утра.
Вгоняет снайпера в дремоту глухая лесня комара.
Его внезапно могут выдать лучи рассвета на стволе
И вопышка солнечного зайца в двояковыпуклом
стекле...

В болоте сапоги промокли, но он не выйдет из
гнезда.

В трофейном цейсовском бинокле стоит, как в озере
вода,

Сиянье северной лазури, поросший ельником овраг...
Но вот в далекой амбразуре мелькнул неосторожный
враг.

Его на мушку снайпер схватит, таков у снайпера
закон:

Он на врага всегда истратит один-единственный па-
трон.

В глухом лесу, в болотном месте противник посадил
стрелков.

Они всегда держались вместе — извечна тактика
волков.

Они втроем перебежали, втроем ложились в мокрый
мох,

И день, и ночь подстерегали, чтоб взять кого-нибудь
врасплох:

То справа выстрелы, то слева. Саяжеев вышел на
троих

Охотник почернел от гнева, три дня выслеживая их,
Он вызвал их на поединок, он их стерег у всех
тропинок.

Он бил врага на этот раз, как тарбагана, в левый
глаз.

Он шел, упрямо сдвинув брови. Так учит дстителей
тайга:

Охотник, зная цену крови, живым не выпустит врага
Губами черными от жажды он воду пил из быстрых
реки

О нем тунгус сказал однажды: «Весьма бедовый
человек»

В засаде зверя карауля, он осторожность забывал
Чужая снайперская пуля его скосила наповал.

Лицом прикинув к амбразуре, свалился замертво
Тогощи

Он был в лесу, на волчьей шкуре, женой охотника
рожден

И он любил денек хороший с медвежьим следом в
снегу

И всю в подвесках, всю в пороше заворуженную
тайгу

Дымок походного обеда, заварку чая в котелке

И нож, доставшийся от деда, с ручной резьбой в
черенке

Любил он голос леса слушать, когда вокруг дыма
ласть мгла

И, наострив по-волчьи уши, его собака стерегла

У амбразуры мертвый замер. Но грозен был его
оска

Он даже мертвыми глазами добычу в зарослях
искал

Как следопыт из детской сказки, он будет жить
жить всегда

Пускай прострелена на каске красноармейская звезда
л

Он будет прятаться по склонам, ходить в засаду у
реки,
И в гнезда, свитые Тогоном, придут его ученики.

На войнах освящен веками обряд солдатских похоро
рон:

Бойцы с примкнутыми штыками стояли с четырех
сторон.

Лицо бурята задевая, переплелись между собой
Сухая кашка полевая и желтоглазый зверобой.

В венок вплели горошек скромный и горьковатый
чистотел.

А лес стоял большой и темный, как будто он осир
ротел,

Смыкая горестные чаши высоких сосен и берез,
Отяжелевший и молчащий от подступавших к гор
лу слез.

Меняя шаг на остановках, в седой пороховой пыли,
На двух прославленных винтовках его товарищи не
сли.

Его зарыли под горою, где ельник выжженный поник.
Винтовку павшего героя в наследство принял ученик.
В ней сохранилось два патрона. Винтовка теплою
была,

Как будто в ней от рук Тогона еще осталась часть
тепла...

Веками освятили люди обряд солдатских похорон:
Здесь только музыка орудий, здесь нет оркестров и
знамен...

Но где же снайпер Номокснова? Скажите, где сейчас Семен?

Он, как всегда, ползет по скатам, по гнездам снайперским своим,

Тропой, где он ходил с бурятом, известной только им двоим.

На дне знакомого оврага, на старом месте, как всегда,

Лежит санжеевская фляга, а в ней — вчерашняя вода.

Он, словно ястреб, не моргая, глядит в сырую темноту

Опасный путь перебегая с погасшей трубкою во рту

И горе немцам в том болоте, когда он ходит в тишине

И, чтоб не ошибиться в счете, зарубки ставит на сосне.

Я славлю этот лес старинный, дремучих сосен разговор,

Звучащий северной былиной, поросший вереском простор

Поля и тропки фронтовые скупой и строгой красоты

Родные сердцу, полевые, почти бессмертные цветы

Товарищей, что спали рядом в трясущемся грузовике,

В воронке, вырытой снарядам, на оружейном передке

Я славлю сыновей России, готовых биться до конца

И их охотничьи, лихие, неукротимые сердца.

Июль 1942 года

ЯНИС

Янису Вилхелмсу—Герою Советского Союза.

За рекой, за Даугавой,
Жили Янисы когда-то,
С той поры пошли повсюду
Эти славные ребята.

Люди рыцарского сердца,
Люди каменной породы, —
Старики и молодые,
Рыбаки и скотоводы.

Делать черную работу
Этим людям не впервые:
Чистят трубы, топят печи,
Починяют мостовые.

И на этом белом свете
Разных Янисов немало:
Янис — плотник, Янис — пекарь,
Янис — токарь по металлу.

Янис ходит по базарам
И по ярмаркам веселым,
Янис служит пивоваром,
Косарем и мукомолом.

Стены в доме, шерсть на платье,
Хлеба белые ковриги, —
Это сделал мастер Янис
Или сын его из Риги.

Это он, молочник Янис,
В час, когда не встали дети,
Обходил дворы и кухни
И будил нас на рассвете.

Жил, как все мастеровые,
Небогато и не пышно...

Почему же в нашей Риге
Песен Яниса не слышно?

Почему на перекрестке
Плачет женщина седая,
Словно птица в день дождливый
Дом родимый покидая?

В тесных руслах узких улиц
Стало сумрачней и тише.

Только голуби садятся
На готические крыши.

Вся земля огнем и сталью
Сожжена и перерыта,
И бросается дорога
Под колеса и копыта.

День и ночь отходит войско,
Нет ему конца и края,
И глядит на запад Янис,
Грозных слез не утирая.

Был особенно любимым
В горький день его ухода
Мирный город затемненный,
Как душа его народа.

Поднимался дым над Ригой,
Как туман над горной бездной,
И на шпиле древней башни
Бил крылом петух железный...

**

С той поры унылый Янис
Бродит ночью то и дело,
Не поет и не смеется,
Будто сердце в нем сгорело.

Лес, снарядами сожженный,
Стал для Яниса жилищем.
У него в руках винтовка,
Финский нож за голенищем.

Служит Янису постелью
Луг с зеленою травой,
Хлеб солдатский запивает
Он болотную водою.

От врага его скрывают
Камни, травы и туманы.
Он листом родной березы
Перевязывает раны.

Знойный день стоит над миром.
Сохнет пруд, недвижны ели.
Чуть трепещет паутинка
На оптическом прицеле.

Тихо так, что слышит Янис,
Как в лесу, в тиши тревожной,
Затрещал сухой валежник
Под ногой неосторожной.

Вот уж виден шлем двурогий,
За спиной немецкий ранец,
И тогда, слегка прищурясь,
Свой курок спускает Янис...

В те места, где бродит Янис,
Немцы выслали заставы,
Днем и ночью проверяют
Все мосты и переправы.

Обложив его, как зверя,
Немцы празднуют победу,
Псов голодных выпускают,
Чтобы шли за ним по следу.

Вот уж найдена поляна,
Дым костра и след привала,
А следов лесного брата
Снова нет, как не бывало...

Наконец немецкий снайпер
На одной из тех тропинок
С нашим Янисом вступает
В беспощадный поединок.

Говорят, что пули немца
Заколдованы и метки,
Он с трехсот шагов срезает
Тонкий лист с кленовой ветки.

Он с закрытыми глазами
Бьет в грошевую монету
И спокойно обещает
Кончить с Янисом к рассвету.

Поутру находят немца
На глухой безлюдной тропке
С каской, сбитой на затылок,
С пулей в черепной коробке.

Он лежит в чужом болоте
Под враждебным небосводом.
Лес стоит над ним стеною,
Вереск пахнет диким медом...

Первый раз увидел Янис
Небо северной столицы.
Над Москвой всю ночь сверкали
Орудийные зарницы.

Город жил, покрытый снегом
И немеркнушею славой,
Над гранитною рекою,
Чем-то схожей с Даугавой.

Как солдат пред генералом,
Янис встал, расправив плечи:
По кремлевскому паркету
Сталин шел к нему навстречу.

Сапоги на нем простые,
Куртка строгого покроя,
Будто в этот вьюжный город
Он явился с поля боя.

И стоит пред ним охотник —
Хмурой Балтики посланец.
Говорит с улыбкой Сталин:
«Хорошо стреляешь, Янис!

Ты один убил их сотню,
Двое вас — убьют их двести.
Сколько ж можно выбить немцев,
Если вам собраться вместе...»

Достает тогда охотник
Табакерочку из жести,
И из общей табакерки
Вождь и снайпер курят вместе.

Как во сне, проходит Янис
Сквозь тяжелые ворота.
Перед ним открылся город,
Словно с птичьего полета.

Чуть видны на колокольнях
Деревянные стропила.
Бьют часы на Спасской башне —
В мире полночь наступила.

Тихо ходят часовые,
Все повито тишиною.
Вечный снег лежит на елках
Под кремлевскою стеною.

Город спит, объят тревогой
И особенным покоем,
Как большой военный лагерь,
Задремавший перед боем.

**

Паутина на березе —
Дальней осени примета.
Наступает праздник Лиго —
Праздник юности и лета.

В этот день, по всем преданьям,
В старой Латвии, бывало,
Выносили люди брагу
Из холодного подвала.

Лица, потные от пляски,
Прямо к небу запрокинув,
Люди пили эту брагу
Из стаканов и кувшинов.

До утра в хлеву забыты
Плуг, лопата и мотыга.
Открывает праздник Янис
Старой песней: Лиго! Лиго!

Не жалея новых туфель,
Пляшут все, кто только в силе.

Мы бродячих музыкантов
К нам на праздник пригласили.

Озаряя красным светом
Ленты, вышивки и лица,
На шесте смола стреляет,
На холме костер дымится.

Все невесты выйдут замуж,
Даже самая кривая.
Бродит пиво в черных бочках,
К чорту обручи срывая.

Взявшись за руки, как люди,
Чуть шатаясь, пляшут ели,
Потому что в этот вечер
Все немножко захмелели...

**

Не такое нынче лето.
На холмах не спят заставы.
Он встречает этот праздник
Вдалеке от Даугавы.

Он кружится в хороводе,
На весу держа винтовку,
И костер, покрытый хвоей.
Не нарушит маскировку.

Люди движутся по кругу
В сапогах, в тяжелых скатках,
В шапках, выжженных на солнце,
И в зеленых плащ-палатках.

Вот запели струны скрипок.
И по праву первый танец
В маскировочном халате
Танцовать выходит Янис.

Взявши за плечи подругу,
Он танцует с нею вместе, —
То легко плывет по кругу,
То почти стоит на месте.

У него сияют зубы,
И во всю щеку румянец.
Все бойцы его встречают:
«Будь здоров, дружище Янис!»

Здравствуй, лето! Лиго, Лиго! —
Запевает он с дружками
И работает на славу
Каблуками и носками.

Он глядит хозяйским глазом
На богатые уголья,
И над ним вверху витает
Бог любви и плодородья...

Как бы немцы ни старались,
Сила Янисов не тает.
Там, где падает убитый, —
Новый Янис вырастает.

Он стреляет из подвала,
С чердака, из-под навеса,
Из холодного сарая,
Из пылающего леса.

Каждый свой удачный выстрел
Он записывает в книге,
С каждым падающим немцем
Янис Вилхелмс ближе к Риге.

Под сосной костер дымится.
На холмах стоят заставы.
Ночь темна. И дует в лица
Горький ветер с Даугавы.

ПЕСНЯ ОБ АЙДИГДЫ ТАХИРОВЕ И ЕГО ДРУГЕ АНДРЕЕ САВУШКИНЕ

Герою Советского Союза Айдигды Тахирову

„Бреду, и сам не слышу своих шагов“.
*(Туркменский поэт XVIII века
Махтум-Кули.)*

I

Семнадцать дней в снегу по пояс,
В дороге выбившись из сил,
Укрытый сосенками поезд
По всей России колесил.
Пред ним мелькали в беспорядке,
Встав от бомбежек на дыбы,
Столбы, вагонные площадки
И вновь площадки и столбы.
В его ушах метель свистела,
И, оглушив его слегка,
Ему навстречу ночь летела
Составами порожняка.
Пред ним менялись перегоны,
За перевалом перевал,
А он зеленые вагоны,
Как будто карты, тасовал.

На дальнем полустанке где-то
Перепрягают паровоз.
И вновь с рассвета до рассвета
Идет механика колес.

На восемнадцатые сутки
Под утро прибыл взвод туркмен
К разбитой станционной будке,
Или, как пишут, к пункту Н.
Вдали гремела канонада...
И открывалась им земля,
Необозримая для взгляда,
Как море с борта корабля.
Земля была седой и синей,
А белый лес еще седей,
И тут же превращалось в иней
Дыханье тысячи людей.
На всем лежал дымок рассвета...
Тогда сказал один туркмен:
«Здесь летом не бывает лета.
Здесь снег и снег без перемен.
В аулах' здесь не слышно лая,
Здесь выжжены войной поля,
Вах-вах! Какая нежилая,
Какая строгая земля!..»
Дорога шла все время в гору,
И ветер путал все следы...
О чем он думал в эту пору,
Калхинский воин Айдигды?

Причудился ль ему нестройный
Родных долин вечерний гул
Иль посреди пустыни знойной
Из глины слепленный аул
Когда, сойдясь на мирный ужин,
Семья глядит в огонь без слов,
Когда и разговор не нужен,
Когда в котле дымится плов;
В тот час уже земля уснула,
И только слышно, как вдали,
Над сонной древностью аула,
Кричат и плачут журавли..
И, молча зубы сжав от муки,
Он шел, надеясь на привал,
И коченеющие руки
Своим дыханьем согревал.
В пути замерзнуть не желая,
Он шел упрямо сквозь поля.
Вах-вах! Какая нежилая,
Какая строгая земля!..

II

„И кто тебя создал такую?
*(Народный туркменский
поэт Кеминэ“.)*

Должно быть, здесь была деревня.
Сухой и черный бурелом
Да посеченные деревья
Напоминали о былом.

Не верилось, что здесь когда-то,
От этих мест рукой подать,
Из сельской школы шли ребята,
Над колыбелью пела мать,
В июньский полдень так знакомо
Кузнечик в горнице трещал,
И пыльный луч сквозь ставни дома
Прохладный сумрак освещал.
Но этот пепел окаянный
Да ворох углей и камней
Когда-то был селом Куяны —
Печальной родиной моей.
Через великие страданья,
Через ребяческие сны,
Через разрушенные зданья
Прошел передний край войны.
И только жались сиротливо,
Как старожилы здешних мест,
Навылет раненная ива
Да на кладбище сбитый крест.

В снегу прокопаны землянки.
Бойцы тоскуют у огня.
На этой призрачной стоянке
Тахиров жил четыре дня.
Он привыкал к метелям нашим,
К необычайному меню:
К солдатским щам, к овсяным кашам,
К артиллерийскому огню.

Он привыкал к ночевкам жестким
И к тесноте походных нар...
Его товарищ из березки
Искусно выдолбил дутар.
И Айдигды в часы покоя,
В часы короткой тишины,
Слегка дрожащею рукою
Касался бережно струны.
Дрожь проходила по березе
И знойный полдень снился ей,
Когда Тахиров пел о розе,
С которой дружит соловей.
И новгородская береза
Сумела воину в пути
Чужую боль, чужие слезы
На свой язык перевести:

«Сад замирает в торжестве,
Проходит шорох по листве,
Ковер от зависти бледнеет,
Когда ты ходишь по траве.

Глазам застенчивым — не верь,
Речам изменчивым — не верь,
Но если счастье к вам стучится,
Как перед ним закроешь дверь?

Я только ручка, ты — фиал.
Я только ножны, ты — кинжал.

Ты шла к источнику с кувшином,
А я глазами провожал.

Я лишь рисунок на резьбе
В твоей изменчивой судьбе.
Я осторожно и незримо
Везде сопутствую тебе.

Ты станешь птицей, я — кустом,
Ты станешь речкой, я — мостом.
Ты станешь воином красивым —
Я послужу тебе щитом.

В такую полночь при луне
Ты, как живая, снишься мне.
И кто тебя такую создал?
Наверно, добрый Кеминэ...»

Но песня становилась тише.
С последней смолкнувшей струной
Туркменский песенник услышал
Веселый голос за спиной:
«Хотел пройти на батарею,
Но постоял у шалаша,
Дай, думаю, зайду, погреюсь,
Уж больно песня хороша».
Ударом кожаной перчатки
С воротника сбивая снег,
Откинув полог плащ-палатки,

Вошел высокий человек.
Ему, как гостю, старший воин
У печки место уступил...
И так он ладно был устроен,
И так он вкусно ел и пил;
Казалось, что нельзя иначе,
И было видно по всему,
Что только счастье и удача
Во всем сопутствуют ему.
Казалось, он с бойцами вместе
Еще с приезда был знаком,
Всегда сидел на этом месте,
Всегда делился табаком,
Болтал с туркменами по-русски
И печь растапливать учил,
Казенный сахар ел в прикуску,
В воде сухарики мочил.
И так легко с тугой котомкой
Прошел он свой солдатский век,
Общительный, не очень громкий,
Но компанейский человек.
Потом он снял ремни, как дома,
Шинель повесил у дверей:
«Ну, вот мы с вами и знакомы.
Ваш взводный — Савушкин (Андрей)!»

III

„Кто забывал для боя все,
тот избежит забвенья...“

(Махтум-Кули)

В солдатской форме не впервые,
Оставив мирные дела,
Вся необъятная Россия
На поле ратное пришла.
Сегодня происходит встреча
Под сенью воинских знамен
Имен, языков и наречий,
Законов, нравов и племен.
На голос родины великой
Пришел всяк сущий в ней язык:
Казахский воин меднолицый,
Тунгуз и друг степей — калмык.
Мы ближе к цели с каждым мигом.
Слова: «отечество» и «мать»
Мы научились не по книгам
На всех языках понимать.
Нет, не за пиршественной чашей
И не за праздничным столом,
Росла и крепла дружба наша
Под Старой Руссой и Орлом.
Она в сраженьях испытала
Всю силу мести и любви,
И эта дружба ныне стала
Великой дружбой на крови...

Пред ротою была задача —
Занять высотку «Апельсин»,
Она торчала здесь, маяча
Крестами срезанных осин.
С ожесточеньем небывалым
Она укреплена была
Лесным завалом, снежным валом
И проволокой в три кола.
Настойчиво и неизменно,
То залегая, то бегом,
Шли в наступление туркмены,
Не кланяясь перед врагом.
Любимцы славы и победы,
Седоголовые орлы,
Так шли их прадеды и деды,
Так шел в сраженье Кер-Оглы¹:
Навстречу чужеземным ордам,
Сквозь все преграды напролом,
И если падал, только мертвым,
И только к недругу челом.
По волчьим ямам и яругам,
Через пылающий овраг
Тахиров всюду шел за другом,
Не отступая ни на шаг.
Туркмен, не кланяясь снарядам,
Стирал с лица ладонью пот.
Казалось, с Савушкиным рядом

¹ Туркменский богатырь.

Любая пуля не возьмет.
Так шли они в огонь и в воду,
Под гром немецких батарей,
Сыны туркменского народа,
И вел их Савушкин Андрей.
Его не задевала мина,
Его щадил в бою снаряд.
Он не носил большого чина
И не имел больших наград.
Он мог поджечь бутылкой танки,
В консервной банке чай согреть
И так умел мотать портянки,
Чтоб ног в пути не натереть.
Еще он мог, как говорится,
Без дыма разложить костер,
Дождем умыться, шилом бриться—
Солдат на выдумку хитер...
Есть в нашей армии немало —
Повсюду снимки их видны —
Орденосцев, генералов,
Героев нынешней войны.
Известны широко в народе
Их ум, их дерзость, их талант.
Но есть у нас в четвертом взводе
Товарищ Савушкин, сержант.
Он не сбивал немецких асов,
Не пробирался в тыл к врагу.
Шинель ремнем перепоясав,
Он месяцами спал в снегу.

Сквозь все страдания неуставно
Со взводом шел в одном ряду,
И Сталин, составляя планы,
Всегда имел его в виду.
Когда над полем смерть витает,
Но нужно двигаться вперед,
Товарищ Сталин твердо знает,
Что Савушкин не подведет.

Лишь только фвы и буераки
Ушли в ночную темноту,
Огонь немецкой контратаки
Обрушился на высоту.
По молодым и старым соснам
Шел на бойцов железный вал
И фланговым и перекрестным,
С земли подняться не давал.
Ослепший от огня и стужи,
Андрей кричал им сквозь грозу:
«Держись, ребята! Немцу хуже:
Мы — наверху, а он — внизу!»
Он появлялся в каждом дзоте.
Как полагается стрелку,
Сперва кричал: «Привет пехоте!»
Потом: «Нельзя ли табачку?»
Всю ночь прокатывалось эхо,
И трижды ухало вдали.
Из леса пахло, как из цеха,
Дымком формовочной земли.

По снегу молния плясала,
И был у туч такой накал,
Как будто кто-то, взяв кресало,
Огонь из неба высекал.

Стояли сосны в карауле,
Верхушки кутая в дыму.
Когда Андрей упал от пули,
Тахиров бросился к нему.
Как вяз подкошенный, громаден,
Лежал он, молод и высок,
Как будто, натрудившись за день,
Вздремнуть собрался на часок.
Ему не встать с земли с весною,
В родном краю не побывать,
Не выйти тропкою лесною
На синеоковую Ловать,
Не услышать живой и бойкий,
Неугомонный говорок,
Как долбят дятлы, скачут сойки
И свищет в дудочку вьюрок,
Не увидеть, как на полянке
Кладут друзьям земной поклон
Цветы болотной толокнянки,
Богульник и кукушкин лен.
Не за чужой рубеж он дрался
И умер не в краю чужом.
Он даже мертвый оставался
Непроходимым рубежом

Лежал он, выбывший из строя,
Отдавший жизнь свою сполна,
В рубахе русского покроя,
В шинели серого сукна.

Чтоб был огонь прямой и точный,
Как Савушкин его учил,
Туркмен на выстрел одиночный
Свой автомат переключил.
Он оглядел, последним взглядом,
Воспользовавшись тишиной,
«Максим», раздавленный снарядом,
Елиндаж с проломленной стеной.
В его хозяйстве оставалось
Стальная финка, пять гранат,
Кисет с махоркой, спичек малость
Да командирский автомат.
Он здесь стоял на холмах взрытых,
Быть может, час, быть может, год.
За всех живых, за всех убитых,
За взводного, за целый взвод.
В землянке с шаткими столбами
Он молча падал и вставал
И пересохшими губами
Себе команду подавал.
Бывало, раньше в жарком споре
Он спорщику не возражал,
С бесовским огоньком во взоре
Хватаясь сразу за кинжал.

Любил он свист туркменской плети.
Сиянье праздничного дня,
И бьющий в лица жаркий ветер,
И бег мохнатого коня..
Теперь Тахиров был спокоен,
И, глядя вниз из-под руки,
Он был один на поле воин,
Всем поговоркам вопреки.
Перевязавшись как попало,
Он бил по немцам с высоты,
Но кровь неслышно проступала
Сквозь все повязки и бинты.
Как полагается туркменам,
Молился он о той земле,
Где прыщи лепятся по стенам,
Как птичьи гнезда на скале;
Когда она лежит пылая
Горячим пламенем песка,
Когда над миром нет ни лая,
Ни дуновенья востерка..
И вспомнил он о летней дреме,
О пери¹ из Арап-кала²,
Когда она в отцовском доме
Чумазой девочкой была.
Когда она легко спускалась
С кувшином глиняным в руке,

Сказочная красавица,

² Родной аул Абдигды Тахирова

Следов от ног не оставалось
На золотящемся песке.

Теперь фашисты были близко.
Рукой на вес проверил он:
До смерти было четверть диска —
Семнадцать и один патрон.
Тогда он лег ничком и замер.
И только била кровь в виски.
Перед закрытыми глазами
Пески, пески, опять пески.
Враги уже ползли по скату...
Еще усилием одним
Он встал и бросил в них гранату...
В последний раз прошла пред ним,
Огнями дальними мигая,
Верхами сосен шевеля,—
Вах-вах! — какая дорогая,
Какая милая земля!

IV

„Прощайте, родимые, друг ваш в
плену...“
(Туркменский поэт XIX века Зелили).

Сарай был, как могила, тесен —
Три шага вдоль и поперек.
Покрыли изморозь и плесень
Его дощатый потолок.
Чадила свечка, дорогая,

Но так темно и тускло так,
Что по сырým углам сарая
Стоял тюремный полумрак...
Он слышит далеко на воле
То скрип сапог, то стук копыт,
Стараясь не стонать от боли,
И спит Тахиров и не спит.
Ему тюремщики приносят
Еду в немецком котелке,
Его фельдфебель на допросе
Отцовски треплет по щеке.
С ним старший говорит нестрого,
Ему сулят покой и плов,
За это должен он немного:
Сказать всего лишь пару слов.
Он спит в сарае на рогоже —
Ему обещана кровать.
Но он твердит одно и то же:
«Моя по-русски не понять!»
На все немецкие вопросы
Туркмен не разжимает губ,
Не принимает папирсы,
Не ест немецкий габер-суп.
Не так ли раненая птица,
Тоскуя ночи напролет,
Полчеловечьему томится,
В неволе песен не поет
И, головы не поднимая,
Изпод разбитого крыла,

Печальная, полуживая,
Глядит нахохлясь из угла?
Веревки на руках обрезав
И повернув лицом к стене,
Его хотят сломить железом,
Его пытаются на огне,
И если жизнь ему дороже —
Тахиров должен отвечать.
А он твердит одно и то же:
«Моя по-русски не понять!»
Два слова им сказать, не боле,
Но, испытав великий гнев,
Он больше не боится боли,
От этих мук окаменев.

Как часто здесь, смотря на стены,
Сжав пальцы в раненой горсти,
Мечтал увидеть он туркмена,
С туркменом душу отвести.
Без оговорок, без боязни,
Как с другом друг накоротке,
Поговорить за час до казни
На милом сердцу языке.
Тахиров верит и не верит.
Но я клянусь Махтум-Кули.
Когда в тюрьме открылись двери,
Туркмена в комнату ввели.
Сквозь ключья рваной гимнастерки
Была Тахирову видна:

Худая, черная от порки,
Давно не мытая спина.
Вот щелкнул ключ над головою,
Вот стук по снегу скрип сапог,
Теперь их было только двое —
Никто подслушать их не мог.
«Я не послушал командиров
И добровольно сдался в плен.
Ты не узнал меня, Тахиров?
Я — твой знакомый, я — туркмен.
Здесь переводчик очень нужен,
Тебе не трудно говорить,
Тебе дадут лапшу на ужин,
Ты сможешь целый день курить.
Когда в котле твоём дымится
Густая жирная шурва¹,
Не все ль равно кому молиться,
Как не говорить слова?
Здесь жить спокойно и надежно.
Но только бы шурва была,
Ее ведь даже с чортом можно
Хлепать из одного котла!..»
Над всей страной над целым миром
Сейчас тудела ночь войны.
Тогда с постели встал Тахиров,
Касаясь пальцами стены:
«Мое решение неизменно.

¹ Суп.

Я лучше смерть приму, чем плен.
Хочу¹, здесь нет двоих туркменов,
Из нас двоих — один туркмен!»
Мы часто пишем о металле,
Но он был тверже, чем металл.
Они его огнем пытали,
А он молчаньем их пытал.
Нас вешали, четвертовали,
Нас распинали на столбах,
В сыром гестаповском подвале
Нам звезды резали на лбах,
Мостили нашими телами
Противотанковые рвы.
Под палками и шомполами
Мы не склоняли головы,
Мы даже мертвыми глазами
Сиянье видели вдали,
Над горем полнотой слезами,
Неумирающей земли.

Не смерч шумит по перелескам,
Вздымая облако золы,
Не гром обрушивает с треском
Многовековые стволы.
Слепят их хлопья снежной пены.
Пред ними лес отходит вспять.
Идут товарищи-туркмены

¹ Изменник.

Из плена друга выручать...
Не взвод, не рота, не бригада,
Шли в наступление кишлаки,
Шел жаркий ветер Ашхабада,
Шли каракумские пески.
По ледяным и снежным скатам
Шел весь народ до одного,
Чтоб отомстить врагам заклятым
За гибель сына своего.
На черной выжженной полянке,
В седой игольчатой пыли,
В немецкой взорванной землянке
Друзья Тахирова нашли.
Закрыты камешные веки,
И на губах его печать.
Теперь он мог молчать навеки,
Молчать, молчать, всегда молчать.
Лежал он, выбывший из строя,
Отдавший жизнь свою сполна,
В рубахе русского покроя,
В шинели серого сукна,
И, чтоб набраться вечной силы,
Бойцы с собою унесли
С укрытой елками могилы
По горстке северной земли.

Когда же на передовые
Мы возвращались с похорон,
Февральский лес как бы впервые

Открылся нам со всех сторон.
Закат, пылая над снегами,
Казалось, край земли поджег,
Под валеными сапогами
Слегка поскрипывал снежок.
Из часто вглядываясь в эту
Бегущую по небу тень,
Бойцы припомнили примету,
Что завтра будет ясный день.
Я оглянулся: в самом деле,
Над рощами березняка
В зеленом небе чуть белели
Два орудийные дымка.
И в самом деле, нам казалось,
Куда сейчас ни погляди,
Что это присказка кончалась,
А сказка будет впереди..
Прекрасны и неуловимы,
Меняясь на пути своем,
Стояли северные дымы
Над каждым маленьким жильем.
Косое солнце освещало
Просторы зимних деревень,
И даже небо предвещало,
Что завтра будет ясный день.

Ст. Рядчино. Июнь 1943 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Ильменьские дневники

Долгие Бороды	3
Мста	5
Залесье	6
Мокрый остров	7
Три реки	9
Город Н.	11
Дом	12
Флаг	14
Тишина	15
Апрель	16

Рассказы в стихах

Володька	17
Дед	23
Друзья	34
Янис	41
Песня об Айдигды Тахирове и его друге Андрее Савушкине	52